

Хлебникова Ольга Владимировна

ЛИТЕРАТУРНОСТЬ ЗНАНИЯ

Понятие "литература" рассматривается в контексте осмысления принадлежности в рамках современной культуры любого системного, концептуализированного знания к определенной традиции описания мира, обладающей специфической историей становления, а также жанровыми и стилистическими особенностями. Литературность интерпретируется при этом как базовая форма самого события знания, в соответствии с чем данный термин наделяется автором социальным, политическим, идеологическим, экономическим и юридическим смыслом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 193-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

В-третьих, встаёт вопрос о том, какая из сторон противоречия выступает субъектом потребности в том или ином случае. Изначально, вопрос может казаться странным. Ведь, говоря о потребности, мы всегда подразумеваем ее принадлежность субъекту, т.е. человеку, коллективу людей, социальной группе, классу или обществу в целом. Действительно, потребности не бывает без субъекта, но не стоит упускать из виду, что в реальной жизни настоящим субъектом потребности может быть не только сторона противоположности – социальный субъект того или иного уровня, но и другие реализующие в своем развитии субъектные качества с превращенными формами требований – потребностей к социальному субъекту.

В-четвёртых, рассматривая современные теоретические взгляды на роль и значение потребностей в нынешнем мире, немаловажный методологический интерес представляет постмодернистская концепция Жана Бодрийяра о главенствующей роли потребностей в жизни социальных субъектов, их полной автономии от источников репродукции.

Список литературы

1. **Всемирная энциклопедия. Философия. XX век** / гл. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Современный литератор, 2002. 976 с.
2. **Гегель Г.** Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 471 с.
3. **Грановская Р. М.** Элементы практической психологии. 2-е изд. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 560 с.
4. **Демин М. В.** Потребности как проблема философии // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1984. № 2. С. 42-57.
5. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 1. 598 с.
6. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1976. Т. 3. 617 с.
7. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. Т. 13. 684 с.
8. **Марченко Т. А.** Потребность как социальное явление. М.: Высш. шк., 1990. 128 с.
9. **Михайлов Н. Н.** Социализм и разумные потребности личности. М.: Политиздат, 1982. 192 с.
10. **Мялкин А. В.** Способности и потребности личности: диалектика формирования. М.: Мысль, 1983. 190 с.
11. **Философия эпохи постмодерна** / сост. и ред. А. Р. Усманова. Минск: Красико-принт, 1996. 207 с.

ROLE OF NEEDS IN SOCIAL SUBJECTS FORMATION

Khanova Marina Nuradtinovna, Ph. D. in Philosophy
Kabardino-Balkaria State University named after Kh. M. Berbekov
mhanceva@mail.ru, ktiisr@mail.ru

The author considers needs as a social, objective-subjective phenomenon, subject reality, analyzes the influence of needs on the personality structure on the basis of the leading theoretical ideas of classical social philosophy and postmodernist philosophical approach, and presents the understanding of need as a contradiction between the social subject and the conditions of his life activity.

Key words and phrases: needs; objective processes; subject reality; contradiction; consciousness; object of consumption; simulacra, hyper-reality.

УДК 130.2

Философские науки

Понятие «литература» рассматривается в контексте осмысления принадлежности в рамках современной культуры любого системного, концептуализированного знания к определенной традиции описания мира, обладающей специфической историей становления, а также жанровыми и стилистическими особенностями. Литературность интерпретируется при этом как базовая форма самого события знания, в соответствии с чем данный термин наделяется автором социальным, политическим, идеологическим, экономическим и юридическим смыслом.

Ключевые слова и фразы: литература; знание; информация; технологический эффект письменности; «грамматика» мысли; письменная культура.

Хлебникова Ольга Владимировна, к. филос. н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
hlebnikova_ov@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНОСТЬ ЗНАНИЯ[©]

В современной культурной ситуации ни один профессиональный мыслитель, будь то писатель, ученый или философ, не может построить никакого целостного рассуждения о мире, параллельно не соотнося это

рассуждение с сущностными характеристиками той или иной письменной традиции знания. Любая концептуальная речь сейчас имплицитно несет на себе черты всех аналогичных предшествующих попыток построения устойчивого образа мира. Данное обстоятельство связано, помимо прочего, с формирующим воздействием письменности как таковой на сами структуры человеческого мышления и социальной организации.

Одним из первых о подобных технологических эффектах письменности заговорил канадский культуролог М. Мак-Люэн, заявивший о существовании в современном мире так называемой «Гутенберговой конфигурации событий» [9, с. 27]. В число событий, обладающих этой конфигурацией, он включал, с одной стороны, культурные события, обусловленные влиянием и развитием письменной технологии как таковой, а с другой стороны, текстуально оформленные события, связанные с метаморфозами самого поля циркулирующей в культуре информации.

Вообще исследования данной проблемной области отчетливо обозначили свою актуальность во второй половине XX века в связи с наметившимся глобальным переходом от уже ставших традиционными письменных форм хранения и передачи информации к новым «электрическим» и цифровым формам, в связи с фундаментальной значимости событием, которое позднее М. Кастельс называл информационно-технологической революцией [5]. Суть этой революции заключалась, прежде всего, в принципиальных изменениях непосредственно способов работы с информацией, а значит и организации интеллектуальной деятельности в целом.

На волне данных перемен в европейской культуре произошло осознание роли и степени важности предшествующих технологических эффектов письменности во всех областях человеческой активности, будь то политика, экономика, религия, искусство или философия [13; 14].

Одновременно с обозначенными выше переменами стало ясно, что и существовавшая до широкого распространения письменности устная «конфигурация событий» обладала, по-видимому, рядом весьма специфических черт и задавала какое-то совершенно особое, отличное от письменного, интеллектуальное культурное пространство.

В целом, можно говорить о следующих глобальных последствиях перехода человечества от устной традиции хранения и передачи информации к письменной:

1) в свое время распространение письменности как новой информационной технологии привело к разрушению некоего экологического пространства культуры [9, с. 53]. Равновесное состояние этого пространства опиралось на баланс между пятью чувственными способностями человека, письменность же есть инструмент, расширяющий возможности зрения с помощью ряда уловок и приспособлений. Следовательно, такое расширение устанавливает новое пропорциональное соотношение между чувствами, нарушая, таким образом, «экологию» и развивая только одну способность человека – зрительную – в ущерб всем остальным. Помимо прочего, это означает, что письменность напрямую влияет на речь, на ее морфологию и синтаксис, а также и на сам процесс формирования мысли и на социальное функционирование языка;

2) письменность сделала возможным изобретение «грамматик» мысли.

М. Мак-Люэн определяет понятие «грамматики» мысли как артикулированное выражение индивидуальных и социальных процессов, представленное в форме визуализации не визуальных по сути функций и отношений [Там же, с. 35]. По большому счету, речь здесь идет о своеобразной совокупности правил, предписывающих мышлению в целом некоторую размерность (конечно, тут имеются в виду неявные и, в каком-то смысле, виртуальные правила, чье наличие не задается прямо, но может быть артикулировано вследствие осмысления принципов организации пространства письменных текстов культуры). Что же касается самой возможности появления таких «грамматик», то она заключается, прежде всего, в «логикализации» мысли, которая явилась закономерным следствием широкого распространения письменности. Подобная «логикализация» осуществляется, с одной стороны, в силу увеличивающейся наглядности мыслимого в письменной культуре, а с другой стороны, в силу развития представлений о наличии автора у того или иного текста, автора, предписывающего соответствующему тексту заранее определенный смысл, который не может быть истолкован произвольно [8, с. 142-158].

К «грамматикам» мысли можно отнести, например, формальную логику Аристотеля и учение И. Канта об априорных категориях рассудка и разума. Суть же заключается в том, что и принципы построения умозаключений, и соотношения между категориями не есть универсальные характеристики человеческого мышления, а только лишь свойства и последствия воздействия на это мышление письменной технологии хранения и передачи информации.

Результатом появления подобных «грамматик» мысли стало конечное возникновение идеи «грамотной» интеллектуальной деятельности, то есть идеи «правильного» мышления, отклонение от образцов которого отныне начало рассматриваться как недопустимое;

3) в современной культуре письменность действует в качестве важнейшего расщепляющего механизма. Она расщепляет, разъединяет не только фонетическое звучание и визуальный код, но и сущность и явление, мысль и действие, порождая, таким образом, своего рода массовую шизофрению. Ее корни, как уже было сказано, уходят в ту дистанцию между словом и поступком, которую устанавливает письменность (поскольку нечто написать не означает осуществить написанное; и поскольку написать можно вообще все, что угодно, и не просто написать, а немедленно сделать написанное всеобщим достоянием с вполне реальной, но опять-таки отставленной во времени, целью обретения последователей), а также в предопределяемый письменностью разрыв между реальностью и видимостью (разрыв этот образуется вследствие разделения, несовпадения визуальной, письменной формы слова и его «внутреннего» содержания, то есть того, что принято называть значением слова).

Наилучшее понимание тезиса о расщепляющем действии письменности может быть достигнуто вследствие осознания, помимо прочего, следующих обстоятельств:

а) письменная культура способна предоставлять в своих текстах образцы разных видений мира, порождая, таким образом, в обществе идею амбивалентности возможных отношений к реальности, а следовательно, в перспективе и идею нормы и отклонения от нее;

б) письменная культура способна тиражировать информацию об ужасном и невыносимом, превращая частный негативный опыт во всеобщее достояние и посредством этого повышая уровень фрустрации в социуме, в том числе и за счет реализации способности человека к «узнаванию» себя в том или ином отрицательно нагруженном описании;

в) письменная культура создает условия для увеличения человеческих потребностей в масштабах несоизмеримых с соответствующими возможностями (за счет широкого, массового информирования людей о чужих возможностях), а следовательно, создает почву для формирования у человека и общества разного рода психологических, нравственных и социальных проблем. Сюда же необходимо отнести и факт роста в результате развития письменной культуры, если так можно выразиться, экзистенциального недовольства от осознания неизбежности проживания именно своей жизни, а не другой;

г) письменная культура создает условия для тиражирования непосредственных описаний опыта безумия, позволяя, таким образом, как бы «примерить» его на себя, что, в свою очередь, порождает некоторый эффект бумеранга, сводящийся к увеличению количества людей, определивших в итоге свой опыт (на основании прочитанного) в качестве опыта безумия;

4) появление книгопечатания привело к такой степени омассовления коллективного национального сознания и овнешнения частного внутреннего опыта, что превратило национальные языки в некие замкнутые системы, в простые средства массовой коммуникации, и тем самым создало современный национализм как объединяющую и унифицирующую силу [9, с. 293-294].

Речь здесь идет о том, что именно книгопечатание стало решающим фактором стабилизации национальных языков и трансформации их в унифицирующее средство общения, а следовательно, именно книгопечатание способствовало созданию так называемых национальных литератур, а вслед за тем и национальных элит. Таким образом, именно книгопечатание сделало возможным национализм как социальный и политический феномен.

Другой стороной распространения печатной технологии стало выдвижение на первый план среди разного рода общественных проблем проблемы свободы, понимаемой, помимо прочего, и как свобода чтения. Суть в том, что поскольку печать подразумевает унификацию, постольку она должна «создавать одинаковые права как для писателя, так и для читателя, как для издателя, так и для потребителя» [Там же, с. 346]. Следовательно, книгопечатание породило своеобразный конфликт интересов между производителями и потребителями книг, то есть между властью и обществом (ведь власть использует превращенные в средства массовой коммуникации национальные языки в качестве средства централизованного государственного управления и в качестве механизма навязывания социуму определенных моделей поведения, а общество, в свою очередь, противопоставляет власти доктрину индивидуализма и читательской демократии);

5) логика письменной культуры, достигшая определенного максимума своего развития после распространения книгопечатания, создала аутсайдера, отчужденного индивида, не заинтересованного в общественных нуждах, хотя порой и попадающего в оппозицию к правительству. Этот индивид стремится оставаться на периферии общества, где «сохранился феодальный и устный порядок» [Там же, с. 311]. Он отвергает унификацию, воспроизводимость и специализацию, которые навязываются письменностью. Он независим и поэтому маргинален [11, с. 31-38].

Однако характер современной культуры таков, что сейчас даже и маргинальность всякого отчужденного индивида усреднена, поскольку он, как и прочие, озабочен своей внешностью, конформизмом и респектабельностью. Следовательно, можно сделать вывод, что нынешнее общество, благодаря влиянию письменности и книгопечатания, разделилось на простых потребителей (в том числе, потребителей информации) и усредненных аутсайдеров.

Таким образом, нужно отдать себе отчет в том, что в нынешней культурной ситуации существует необходимость и неизбежность рассмотрения различных отраслей и областей знания в качестве определенных «литератур», то есть в качестве своеобразных сфер действия некоторых специфических грамматических практик, с которыми в современную эпоху причудливым образом «оказывается сопряжено все наше мышление» [10, с. 39]. Конечно, как ясно видно, понятие «литература» трактуется тут предельно всеобщим, формальным образом как область, включающая в себя все проявления и превращения письма, протекающие в пределах соответствующих отраслей и областей знания [2; 4; 6, с. 36]. Подобная неизбежность обращения к вопросам формальной «литературности» знания формируется в пределах «Гутенберговой конфигурации событий» особой культурной атмосферой, ощущающейся как осознание невозможности преодоления опосредованного влияния книг и их персонажей на саму жизнь человека.

Существо этой неизбежности очень точно, хотя и косвенным образом, передал М. Фуко: «Книга появляется на свет – крошечное событие, вещьца в чьих-то руках. С этого момента она включается в бесконечную игру повторов; вокруг нее – да и на удалении – начинают роиться двойники; каждое прочтение на миг облекает ее неосязаемой, неповторимой плотью; ее фрагменты получают самостоятельное бытие, им дают оценку вместо нее самой, в них пытаются втиснуть чуть ли не все ее содержание, и, случается, именно в них она, в конце концов, находит последний приют... Мне бы хотелось, чтобы книга... была только совокупностью составляющих ее фраз и ничем иным» [12, с. 21-22].

Мысль М. Фуко, в данном случае, сводится, помимо прочего, к констатации того факта, что всякая книга создает вокруг себя некий участок «преобразованной» действительности, в котором затем начинают происходить какие-то странные вещи, вызывающие к жизни те или иные «игры повторов», обозначающие, в свою очередь, границы пространства соответствующей «литературы». Именно внутри этого «литературного» поля и благодаря его наличию и складываются обстоятельства, позволяющие поднимать вопрос о проблематичности вычленения устойчивого, всеми признанного содержания той или иной книги.

Как было сказано ранее, содержание всякого циркулирующего в рамках «Гутенберговой конфигурации событий» информационного сообщения, а также сама его культурная значимость и вероятные интерпретации, зависят от той письменной технологической формы, в которой оно только и может стать достоянием общества, поскольку уж именно данная форма хранения и передачи информации приобрела тут статус основополагающей. Тем самым, кроме прочего, обнажается также и то обстоятельство, что вообще понятие «литература» в письменной культуре постепенно и закономерно превращается в понятие, обладающее социальным, политическим, идеологическим, экономическим и юридическим смыслом.

Соответственно, политический смысл термина «литература» заключается, с одной стороны, в том, что вообще разного рода «литературные» традиции иногда могут рассматриваться в качестве носителей специфического «национального духа» (о чем говорилось выше), а с другой стороны, в том, что в наши дни «литература» способна выступать как средство борьбы за власть и как ставка в этой борьбе (ведь политическая значимость «литературы» сейчас обусловлена общим информационным характером культурного пространства, которое выступает в качестве пространства операционализированного и разделенного на удобные для практического использования «порции» знания, знания, давно уже превращенного в «производительную силу общества» [7, с. 17-20] и, в конечном счете, всегда оформленного в ту или иную письменную форму).

Что до социального содержания понятия «литература», то оно заключается в неизбежном разделении «письменного» общества на тех, кто в силу своего уровня доходов и/или образования имеет фактический доступ к разного рода «литературным» достижениям, и тех, кто такого доступа не имеет, каковая ситуация конечно же не может не создавать определенной, хотя и не всегда ощутимой явно, социальной напряженности (подобным образом рассуждал и М. Кастельс, когда писал о росте социальной стратификации среди современных пользователей мультимедиа [5, с. 350]. По сути же эта стратификация являет собой новый, современный вариант дифференциации общества на основании различий в уровнях владения информацией между представителями разных социальных групп, дифференциации, сложившейся ранее в рамках «Гутенберговой конфигурации событий»).

Идеологическое значение понятия «литература» состоит, прежде всего, в том, что поскольку именно разного рода «литературные» грамматики, с очевидностью, выполняют в пределах письменной «конфигурации событий» функцию сохранения и передачи культурной памяти, постольку здесь всегда существует возможность влияния на этот процесс и даже вероятность его программирования (например, через государственный контроль за написанием учебников для образовательных учреждений тех или иных уровней).

Экономический смысл термина «литература» с очевидностью следует из всего вышесказанного: в печатной культуре «литература» постепенно начинает рассматриваться, с одной стороны, как средство возможного личного обогащения, а с другой стороны, вообще как сфера купли-продажи, внутри которой завязываются отношения производства и потребления. Подобная ситуация явилась закономерным следствием предельной материализации всех идей, частных жизненных опытов и общественных норм, по определению свойственной печатной культуре и осуществляющейся здесь за счет метаморфоз разнообразных «литературных» форм.

И, наконец, юридическое содержание понятия «литература» сводится сейчас к возникновению в рамках письменного, печатного «литературного» пространства своеобразных отношений интеллектуальной собственности, регулируемых специальным законодательством, присваивающим «авторам», «читателям» и «книготорговцам» определенные права и обязанности. Как пишет Л. Алябьева: «Благодаря изобретению печатного станка появилась возможность массового воспроизводства текстов, в результате чего возникла необходимость защиты прав собственника» [1, с. 11]. Подобное отношение к «литературе» как к объекту права и к писательству как к профессии может считаться окончательно сложившимся в Европе с середины XIX века [3, с. 285-286].

По большому счету, именно так понимаемая «литературность» является существом «Гутенберговой конфигурации событий». Именно «литература» представляет собой ту основополагающую форму, которая упорядочивает «события», происходящие в печатной культуре. И именно возникновение разного рода глобальных «литературных» традиций знания (например, научной «литературной» традиции, художественной «литературной» традиции или философской «литературной» традиции) может рассматриваться как один из основных технологических эффектов письменности.

Список литературы

1. Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI-XIX веках. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 400 с.
2. Борхес Х. Л. О культе книг // Борхес Х. Л. Сочинения: в 3-х т. М.: Полярис, 1997. Т. 2. С. 90-93.
3. Бринтон К. Истоки западного образа мысли. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 432 с.
4. Женетт Ж. Утопия литературы // Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 143-150.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
6. Компаньон А. Демон теории. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

8. Лорд А. Б. Сказитель. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 320 с.
9. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Киев: Ника-Центр; Эльга; Издательский дом Дмитрия Бурого, 2003. 432 с.
10. Полан Ж. Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности. СПб.: Наука, 2000. 336 с.
11. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс – Традиция, 2005. 544 с.
12. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
13. Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
14. Johns A. The Nature of the Book: Print and Knowledge in the Making. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 754 p.

LITERARINESS OF KNOWLEDGE

Khlebnikova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Omsk State University of Communication Lines
hlebnikova_ov@mail.ru

The author considers the notion “literature” in the context of the comprehension, within the framework of the modern culture, of any systemic, conceptualized knowledge belonging to a certain tradition of the world description, which has a specific history of formation, as well as genre and stylistic features, interprets literariness as the basic form of knowledge event, and in accordance with it endows this term with social, political, ideological, economical and legal sense.

Key words and phrases: literature; knowledge; information; technological effect of writing; “grammar” of thought; written culture.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Основное внимание в работе уделено выявлению опыта реализации накопительной модели пенсионной системы, функционирующей в Республике Казахстан с 1998 г., таким проблемным аспектам реформы как недостаточный охват пенсионной системой работающих граждан, низкая доходность накопительных пенсионных фондов и др. Автор статьи также рассматривает возможности модернизации казахстанской пенсионной системы.

Ключевые слова и фразы: пенсионная реформа; накопительная модель пенсионной системы; пенсионный возраст; базовый уровень пенсий; пенсионные накопления; пути модернизации пенсионной системы.

Циткилов Петр Яковлевич, д.и.н., профессор
Новочеркасская государственная мелиоративная академия
petrcitkilov@yandex.ru

НАКОПИТЕЛЬНАЯ ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: РЕТРОСПЕКТИВА И РЕАЛИИ[©]

Проблема пенсионного обеспечения является одной из актуальных в современном мире. Острота ее во многом определяется глобальной тенденцией старения населения. По некоторым прогнозам ООН, к 2050 году люди старше 60 лет могут составить половину взрослого населения планеты. При этом количество трудоспособного населения уменьшается. В результате усиливается нагрузка на пенсионные фонды. Распределительная система, в чистом ее виде, перестает обеспечивать должный уровень пенсий. Все более активно распространяются накопительные схемы пенсионного обеспечения.

Казахстан стал первым на постсоветском пространстве государством, которое последовательно внедряет накопительную пенсионную систему. В 1997 г. Правительство Республики Казахстан (РК) одобрило Концепцию реформирования системы пенсионного обеспечения в стране, и был принят специальный закон «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан». Смысл пенсионной реформы, начатой здесь с 1998 г., заключался в переходе от солидарной пенсионной системы с установленными выплатами к накопительной с установленными отчислениями.

Во второй половине 1990-х гг. пенсионная система оказалась в Казахстане в тяжелом положении. Прежде всего, это было вызвано экономическим спадом. Как свидетельствуют материалы «Исследования уровня жизни в Казахстане», проведенного в июле 1996 г. в рамках займа технической помощи Всемирного Банка, в период после 1991 г. совокупный объем спада промышленного производства в Казахстане составил порядка 40%. Размер заработной платы в реальном выражении сократился на 50%, а размер пенсии составлял менее 50% от уровня 1993 г. В тех условиях без перехода к новой пенсионной системе было крайне затруднительно обеспечить ее стабильное функционирование. Кроме того, для перехода к накопительным принципам пенсионирования в Казахстане была относительно благоприятная демографическая ситуация. Количество пенсионеров от общей численности населения здесь составляло примерно 15%. В России, Украине и

[©] Циткилов П. Я., 2013